

Елена Ожич

Старый Город

Елена Ожич

Старый город

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Барнаул 2016

*Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений*

Ожич Е.

О-455 Старый город: повесть-сказка / Елена Ожич; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова. — Барнаул : Алтайский дом печати, 2016. — 96 с. — (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений).

ISBN 978-5-98550-386-9

Алтайскую писательницу Елену Ожич называют барнаульской сказочницей. Ее сказки, такие понятные и так похожие на быль, с неподдельным интересом читают и взрослые, и дети.

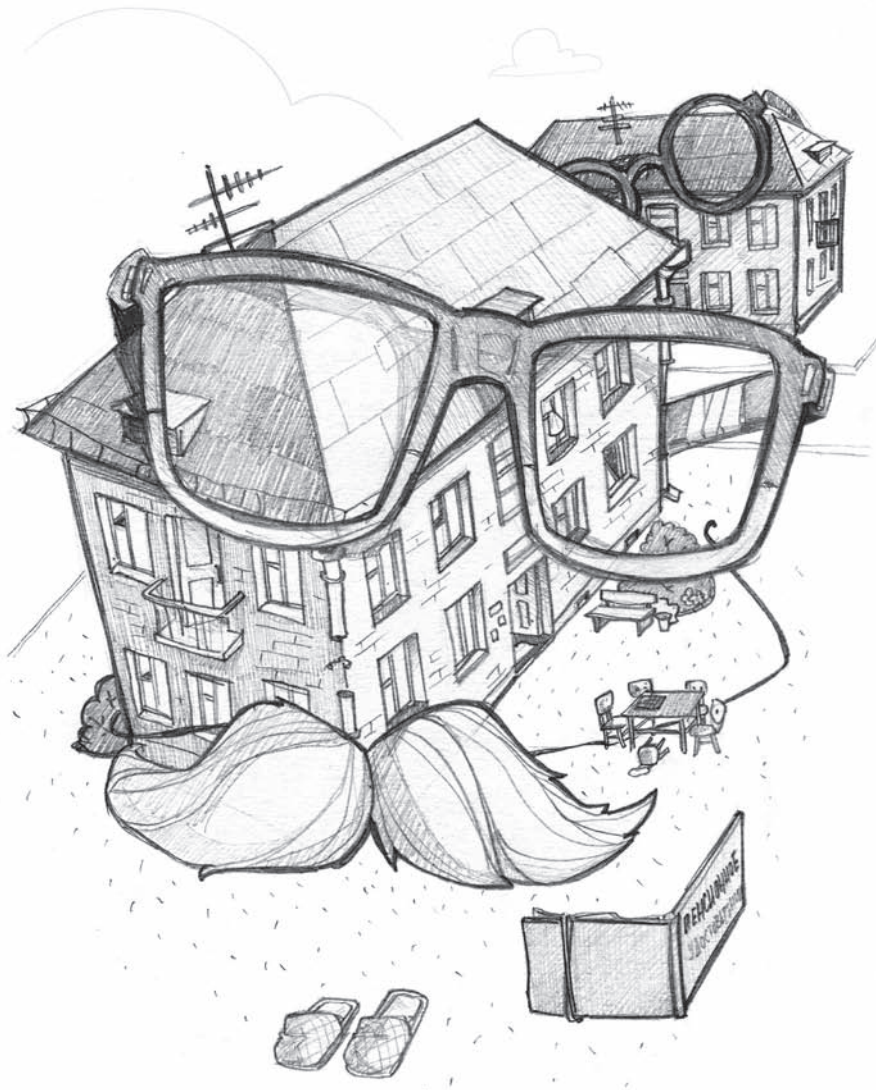
Перед вами новая книга автора, в которой проблема отношения общества к пожилым людям решена оригинально, нестандартно. Повествование ведется от имени подростка, 12-летней школьницы, приехавшей вместе с одноклассниками на экскурсию в Старый город.

Книга адресована юным читателям и их родителям.

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-4

ISBN 978-5-98550-386-9

© Е.М. Клишина, 2016
© М.С. Хозяйкин, иллюстрации, 2016
© КГБУ «Алтайская краевая
универсальная научная библиотека
им. В.Я. Шишкова», 2016

Старый город

Повесть-сказка

— Надевайте! — пограничник выдал нам ворох старой, сильно поношенной одежды: серые драповые пальто с цигейковыми воротниками, пыжиковые шапки пирожком, калоши и серые

пуховые шали, у которых пух так вытерся, что шали стали походить на рыбацкие сети.

— А можно мы в своем? — спросил Ивашов, безглаголиво приподняв двумя пальцами шапку из вытертого и засаленного пыжика.

— Не положено, — отрезал пограничник и опустил перед нами шлагбаум.

Не знаю, как у вас, но у нас в области каждый школьник должен съездить на экскурсию в Старый город. Поэтому мы с одноклассниками однажды в воскресенье собрались, сели в автобус и поехали туда.

Старый он не потому, что в нем разные архитектурные древности, а потому, что в нем еще совсем недавно все было старое-престарое: и дома, и магазины, и заводы. Все разваливалось от старости, куда ни ткни — то дерево упадет, то крыша рухнет, то асфальт провалится. Все жители как-то постепенно из Старого города выехали. Понятно, кому же хо-

чется жить в старом городе, все в новых городах хотят жить. И вот уехали все — кто в столицу, кто в города поновее, а кое-кто даже за границу перебрался.

И вот остался Старый город совсем без людей. Стоит себе — тишина, пустота, только двери и ставни на ветру хлопают. Так бы никто и не знал про него, вконец бы развалился, да и все дела. Но однажды решили туда старичков и старушек переселять — не всех, конечно, а которые сами этого пожелают. Сделали в городе кое-какой ремонт, пустили бесплатный трамвай, в аптеках и магазинах тоже все бесплатно стали старикам давать. А каждое утро по квартирам врач ходит и тоже совершенно бесплатно измеряет артериальное давление, дает разные рекомендации и рецепты выписывает. Обо всем этом в газетах писали и по телевизору рассказывали. Многие старички и старушки как узнали про такое место, сами с удовольствием в Старый город перебрались. А чтобы молодежь о стариках

не забывала, решили сделать экскурсии в Старый город для школьников, студентов и прочих граждан трудоспособного возраста обязательными. Хочешь — не хочешь, а должен раз в месяц туда приехать и стариковской жизнью хотя бы полдня пожить, такой закон.

— Неплохая, в общем, идея, — сказал мой папа, когда узнал об этом. — Побудут школьники полдня старичками, глядишь, и начнут пенсионерам места в общественном транспорте уступать.

— Глупость, — сказала мама, — старости никому не миновать, все там будем. Зачем раньше времени детям о старости знать и думать?

— Значит, так, — сказала на классном часе наш классный руководитель Светлана Робертовна, — всех сразу вас туда везти — стыда не оберешься, вы все равно из любого культурного мероприятия цирк устроите. Будем ездить туда группами по несколько человек. В первое воскресенье месяца —

все, у кого фамилии начинаются на «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е», во второе — на «Ж», «З», ну, и так далее...

— А что, прикольно, — сказал Ивашов, — музей под открытым небом с живыми экспонатами! Поедем, хоть на бабок позырим!

— А тебе, Ивашов, — сказала строго Светлана Робертовна, — кроме аттракционов ничего не надо! Это серьезное, между прочим, воспитательное мероприятие...

— А что мы там делать будем? — спросил Коркин.

— Я поеду в Старый город в первый раз, так же, как и вы, поэтому ничего тебе, Ваня Коркин, ответить не могу, — развела руками классная. — Вполне может быть, что на эти полдня мы станем тимуровцами.

— Кем-кем? — спросил Ивашов, и лучше бы не спрашивал, так как классный час затянулся еще на час, и Робертовна стала с воодушевлением рас-

сказывать о ребятах-тимуровцах, о том, как было здорово, и даже сама Робертовна в свои школьные годы успела побыть активистом тимуровского движения — ну, там дров старичкам наносить, воды наколоть.

Однако по приезду в Старый город выяснилось, что тимуровцами нам не быть, а предстоит самим ненадолго стать старичками и старушками. Рядом с автовокзалом Старого города стояла будка, вроде пограничной, с полосатым шлагбаумом. Приняв от классной плату за вход, пограничник выдал нам ворох ветхих пальто и калош, сдвинул брови на переносице и сказал:

— Надевайте!

Среди пальто и шапок обнаружили и другие вещи, о назначении которых мы догадались не сразу. К примеру, каждому досталось по серому мешку с песком, довольно увесистому. К мешку были пришиты веревочные лямки. Мешки походили

на вещевые мешки солдат Великой Отечественной войны, которые назывались «сидорами», такие мы в музее уже видели.

— Это че? — спросил Коркин. — Рюкзаки? А внутри че? Ни карманов, ни застёжек, все зашито намертво. Это с собой, что ли, брать? — крикнул он пограничнику.

— Это горбы, — ответил дядька из будки. — Надеваешь на спину, завязываешь веревки на животе, сверху — пальто.

— А че за штаны такие? — Ивашов снова двумя пальцами вытянул из горы тряпья брюки неопределенного цвета с бахромой по низу штанин. Брюки были сшиты из очень грубой ткани, а на коленях были специальные накладки, которые не позволяли ногам сгибаться и разгибаться. — Мне что, полдня ходить в них на полусогнутых?

— Это ногоскрючиватели, — сообщил дядька через окошко проходной, — имитаторы артроза ко-

ленного сустава. А это женский вариант, — и показал на шерстяные гамаши. — Не забудьте ушезакладыватели, для глухоты, — и он протянул коробочку с пробками из фетра, которые надо было вставить в уши.

— А зубовынимателей у вас случайно нет? — сострил Левченко. — Старики же все без зубов. А у нас-то у всех пока полный комплект, кроме Коркина, который зимой на хоккее шайбу зубами поймал.

— Ты прав, — сказал суровый дядька, — зубы вас, молодежь, будут демаскировать. Возьмите-ка это, — и он выдал накладки вроде защитных боксерских, — чтобы шамкать, и чтобы еда медом не казалась. Не забудьте надеть очки и парики. Мальчики, подойдите, я наклею усы и бороды.

Дядька выдал нам, девочкам, по кошелке, а мальчишкам — по костылю и наконец-то поднял перед нами шлагбаум.

— Я ничего не вижу! — возмутился Ивашов, опустивший себе на нос очки с толстенными стеклами. Он тут же снял их и положил себе в карман: — Ой, Машка, ты на бомжиху похожа! — еще громче крикнул Ивашов и стал показывать пальцем на Машку Майскую, нашу первую красавицу, которая и в образе старушки была очень даже ничего. Вот ведь внешность у человека, ничем не испортишь! Везет же некоторым...

— Ивашов! — загремел голос Светланы Робертовны, которая была перепоясана крест-накрест поверх пальто проеденным молью в нескольких местах платком. На руках у нее были перчатки с обрезанными пальцами, на ногах — войлочные бурки, а на голове шляпка с деревянными вишенками. — Веди себя прилично!

— Группой не ходить! — раздался нам вслед голос дядьки-охранника с проходной. — Гулять по одному!

— А вы уверены, — крикнула ему Светлана Робертовна, — что с ними все будет в порядке? Это же дети, и я, как классный руководитель, несу за них ответственность!

— Куда они денутся! — хмыкнул дядька и спрятал голову в окошке.

Ивашов, Коркин, Левченко, Майская, Светлана Робертовна разошлись в разные стороны. Я пошла на трамвайную остановку. Уже шагов через двадцать мешочек с песком стал так давить на спину, что поневоле пришлось согнуться в три погибели. Не будь этого мешка, я добралась бы до остановки в два счета. А с такой поклажей — кило пять, не меньше! — дорога в сто каких-то метров показалась вечностью. По пути, к тому же, приходилось обходить клумбы и перешагивать через бордюр. А с имитаторами артроза много ли нашагаешь! Еще на мне было надето двубортное драповое полупальто с плешивым

лисьим воротником, парик, фетровый берет, а на ногах — шерстяные гамашаи с толстыми носками. Дядька на проходной не выдал мне ни бурок, ни ботишков, достались только клетчатые тапки со стоптанными задниками размеров на пять больше, поэтому приходилось идти, шаркая ногами, и прижимать тапки к земле, чтобы они не сваливались. Уже через пять минут пот лился из-под парика ручьями, а проклятая остановка не приближалась нисколечко! Тяжело же быть пенсионером, подумала я.

Пыля тапками и обливаясь потом, я наконец-то добралась до остановки. Хоть бы скамеечку какую поставили, подумала я, достала из кармана носовой платок и стала им вытирать пот под париком на лбу. Из-за поворота показался красный и неторопливый трамвай. На его боку был указан маршрут: проходная — собес — гастроном — поликлиника — депо. Поедем до магазина, решила я, посмотрим, что тут

у них за шоппинг, какие сувениры-магнитики и вообще... В собесе делать пока нечего, в поликлинику идти тоже, вроде, пока надобности нет.

Трамвай открыл двери, и я стала вскарабкиваться на его подножку. Раньше для меня это было секундным делом, а сейчас эта процедура растянулась минут на десять. Поднять скрюченную артрозной накладкой ногу и поставить ее на ступеньку не получалось, а «сидор» с песком на спине тянул назад, угрожая опрокинуть меня прямо под железные колеса.

— Ну, ты, старушка-веселушка, давай живее! За печкой давно пора сидеть, а она все по свиданиям разъезжает! Не задерживай, у меня график! — чья-то цепкая рука ухватила меня за шиворот и втянула в салон. Двери закрылись, и вагон тронулся.

Передо мной стояла толстая кондукторша с грязной сумкой на объемистом животе и катушкой билетов, привязанных бельевой резинкой к запястью.

— Что у тебя, бабуся, за проезд?

Я вспомнила, что в кармане джинсовой юбки лежит мелочь, и уже хотела достать ее и высыпать тетке в протянутую ладонь. Но добраться до кармана, когда на тебе двубортное драповое пальто, вытертая шаль и доисторическая кофта-олимпийка на ржавой «молнии», оказалось не так-то просто. Тетка, глядя на то, как я копаюсь, усмехнулась:

— Экскурсантка, что ли?

Я кивнула и поправила сползшие на самый кончик носа очки.

— Отвечать надо: «У меня пенсионка», — презрительно бросила тетка и пошла дальше по салону, покрикивая: — Девочке место не уступаем! Девочка тута в гостях, вечером уедет! Сидеть, кому сказала! — гаркнула она на какого-то старичка, который соби-рался встать с сиденья.

— Я выхожу! — возмущенно пискнул старичок.

На остановке «Собес» вышло еще несколько старичков и старушек, места освободились, и я решила присесть. Кондукторша примостилась рядом:

— Первый раз здесь, что ли? Как ты за мелочью кинулась, а? Здорово я на тебя рявкнула? — ткнула она меня локтем в бок так, что я съежилась. — У нас в городе проезд бесплатный.

— А вы тут тогда зачем?

— Я зачем? — горделиво приосанилась тетка. — Я тут по специальному заказу. Когда трамвай-то в городе пустили, старики, конечно, страшно довольны были — проезд бесплатный, в час пик молодые и сильные не пихаются, все сидячие места свободны, катайся — не хочу хоть весь день. Вагон на остановках стоит аж по полчаса, пока все не усядутся. А потом им скучно стало — вроде как в трамвае прокатился, а сильных впечатлений не получил. Вроде как не по-настоящему, не как

они привыкли. Старички письмо накатали — а подать нам сюда какую-нибудь хамоватую кондукторшу, чтобы было все, как в жизни. Вот я и работаю тут сутки — двое. Сутки кричу, иногда аж безголосая домой прихожу, документы требую, а двое — добрая, то сумочку поднять помогу, то по ступенькам вскарабкаться посодействую. А ты куда едешь?

— Да так, куда-нибудь. В гастроном, может быть.

— А в собесе ты была?

— А надо? — спросила я с нехорошим предчувствием.

— Конечно, — сказала тетка. — Первым делом в собес надо. Справку надо, что ты на экскурсии.

— А зачем? — спросила я.

— А как без справки-то? Тут у всех справки есть. У бабок и дедок — справки о том, что они тут постоянно живут. Они по справке продукты в ма-

газине получают и лекарства в аптеке. У меня разрешение на работу. А экскурсантам положено гостевые справки выдавать, а то тут, бывали случаи, понаедут всякие, бабками наряжаются, а потом из гастронома продукты бесплатные мешками вывозят. А по гостевой справочке можно только в столовке местной пенсионерский спецпаек покушать — супчик жиденький, кашку манненькую, котлетку морковную. Ну, в смысле, так пенсионеры раньше там питались, когда на одну пенсию жили. Еда, конечно, так себе, но ты для полноты ощущений непременно сходи. А совсем без справки нельзя, можно в «Тихие Черемушки» загреметь.

— Куда загреметь?

Кондукторша нагнулась и стала шептать мне в ухо:

— Есть тут одно заведение. Там совсем немощные живут, да еще всех бесправочных туда свозят — до выяснения, подлинная ли старость у них

или мнимая. А то многие тут хотят бесплатно в трамвае кататься и чтобы валокординчик задарма капали. Приедут на экскурсию, а обратно-то не возвращаются, шмотки Игнатьичу на проходной не сдают. А не для них тут все придумано! Вот время придет, тогда и приходи. А пока молодой-здоровый, только на экскурсию добро пожаловать. Один раз тут даже беглый преступник скрывался, мошенник. Его в розыск объявили, а он маскарад надел — и в Старый город, целый месяц искали, кое-как нашли. А если без справки в «Тихие Черемушки» попадешь, дней пять могут продержат, пока разберутся. Были случаи, — сказала Людка совсем таинственным шепотом.

Вообще-то, вечером я собиралась покинуть Старый город. Осмотреть за полдня местные достопримечательности — и ту-ту, «Михаил Светлов», домой к маме и папе. Провести пять дней в каких-то «Тихих Черемушках» для выяснения моей мнимой старости мне совсем не хотелось.

— Так мне точно теперь в собес надо? — еще раз на всякий случай уточнила я у кондукторши.

— Ты сейчас у гастронома выйдешь, — ответила она, — на другую сторону перейдешь, а когда мы в сторону проходной возвращаться будем, обратно сядешь.

— А можно, я с вами покатаюсь? — спросила я. — Ну, чтобы не выходить. А то, — я показала на свои коленки, — совсем не разгибаются.

— А ты как хотела? Не разгибается у нее! Тут у всех не разгибается! Выходи-выходи, — стала меня

выпроваживать тет-ка. — Сейчас народ из гастронома обратно поедет, не протолкнуться будет. Там сегодня по спецзаказу колбасу ливерную привезли, с утра

граждане пенсионеры очередь отстояли, сейчас по домам повезут.

Я сошла на остановке «Гастроном». Хоть посмотрю, решила я, как это выглядит, когда продукты бесплатно дают, что это за колбаса такая — ливерная, и какие очереди бывают. Мне бабушка рассказывала про очереди в магазинах, про кило сахара в одни руки, про номерки на руках, которые ночью чернильными карандашом писали, чтобы туфли импортные купить. Трудно, конечно, представить, как это — ночью за туфлями в очереди стоять, когда вокруг этих туфель ну просто завались в любом магазине. Это что, ночная особенная распродажа какая-то? Но там тогда должна быть не очередь, а толпа — все бегут и хватают, и как тут циферки на руках могут помочь, тоже ума не приложу. А еще проще — в интернет-магазине: тык — и тебе любые туфли привезли, мама иногда так делает. У нее этих туфель штук ...дцать, даже у меня пар семь точно

есть. А у бабушки только две пары было — на каждый день и на выход. И эти, которые на выход, она лет сто носила, раз сто чинила. И теперь они такие, в трещинках, у нее в шкафу стоят, потому что выкинуть жалко, потому что добыты были эти туфли прямо как не знаю что — как перо жар-птицы, как живая вода и как что-то там еще не помню.

У гастронома и впрямь вилась змеей в три изгиба очередь из старичков и старушек. Я пристроилась к ее хвосту, чтобы послушать, зачем тут очередь, если, по словам тетки-кондукторши, и денег не надо, и колбасы привезли столько, что хоть дома из нее строй.

— Женщина, куда вы прете? — крикнули кому-то из очереди. — Вас тут не стояло! Все стоят, и вы стойте!

В очереди этой гвалт стоял ну просто феноменальный — как будто если в классе неожиданно, без предупреждения, объявили проверочную работу, и все тридцать человек начали во весь голос возмущаться.

— И чего они все так галдят? — вырвалось у меня.

— Это у них фантомные боли, — сказал вдруг, повернувшись ко мне, старичок из очереди прямо передо мной. — Фантомные боли, — пояснил он, — это когда больную ногу отрезают, а человек продолжает чувствовать, как она болит.

— Ну, так эти все вроде с ногами... — сказала я, вспомнив про свои имитаторы артроза. — Чего орать-то?

Видно было, что старичок этот тоже из экскурсантов — у него отклеился ус, и от жары потек грим — нарисованные на щеках морщины смазались.

— Так вот и у стариков наших, — продолжил сосед по очереди, — плохая жизнь закончилась, а привычка к ней осталась. Не могут они привыкнуть, что в общественном транспорте не хамят, и хлеб насущный им на старости лет безо всякого труда достается. Колбасу эту ливерную себе выписали зачем-то, хотя от буженины полки ломаются. Не понимаю... — вздохнул он.

— А вы, наверное, здесь не первый раз? — спросила я.

— Я ученый-геронтолог, — сказал дяденька, — изучаю жизнь сообщества, так сказать, изнутри. Старый город — это вроде как социальный эксперимент. Если признают его удачным, будут внедрять такие города повсеместно. Я два месяца добивался разрешения здесь работать и временно проживать. И вот теперь ищу тут ответы на свои вопросы и объяснения разным противоречиям. А сегодня, вот, вышел кефира купить, а в магазин не пускают — стой да стой! Далась им эта ливерная! А вот ты, девочка... Ты же девочка? — попытался взглядеться геронтолог в мое лицо. — Или тетенька? Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Вот ты, девочка, как считаешь, хорошая ли это затея? Ну, вот такой отдельный город для пенсионеров сделать...

— Не знаю, — я честно пожала плечами. — Очереди вот эти... Что хорошего-то?

— Очереди, — снова обреченно вздохнул геронтолог, — неизбежны, так как являются для граждан пожилого возраста важнейшим средством коммуникации. Ты общаешься со сверстниками через Интернет, а пенсионеры общаются в очереди. Когда-то очереди были везде, и все привыкли в них стоять. Еще очередь, если ты могла заметить, это такой способ самоорганизации граждан. Может быть, ты видела, как на автобусной остановке в чистом поле выстраивается очередь? Ну, это если из дачного поселка ехать. Не видела? И создают эту очередь — кто? — пенсионеры, главным образом. Упорядочивают свое ожидание, гармонизируют свой мир в данный момент — чтобы все проходили в автобус по порядку, без толчеи и ругани. И еще другие причины для создания очередей есть. Но общение, по моим предположениям, возможно,

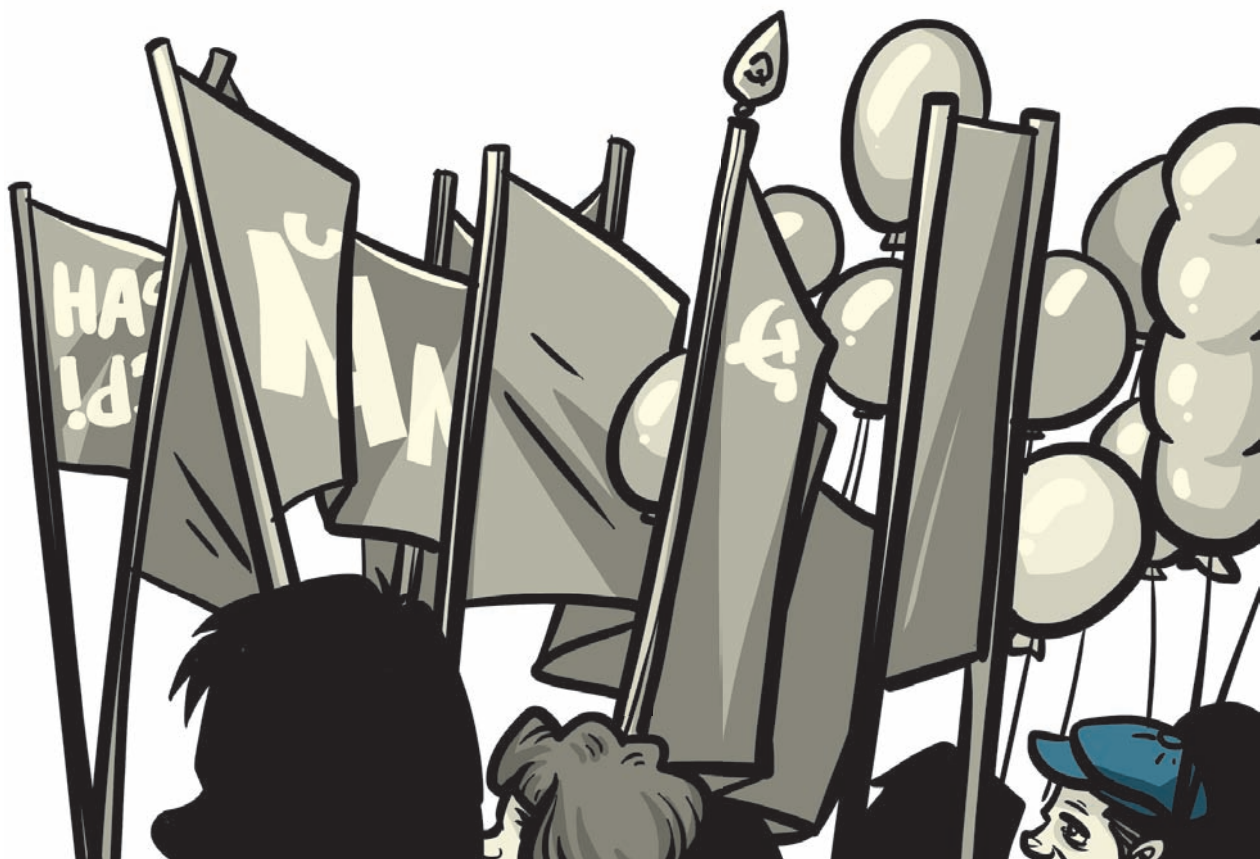
главная из них. Вот вчера, к примеру, в «Военторг» привезли теплые кальсоны. Узнав об этом, я занял рядом с магазином наблюдательную позицию. С точки зрения науки довольно интересно узнать, за какое время создается очередь и какой длины она может достигнуть. Первым к «Военторгу» пришел один старичок, который встал возле входа и начал покрикивать: «Кальсоны! Теплые кальсоны! Граждане, привезли теплые кальсоны!» Через полчаса вокруг него собралось человек двадцать других стариков. Еще часа три они стояли и вспоминали свою служивую молодость. Повспоминали, да так и разошлись. А кальсоны никому не нужны, как, впрочем, и ливерная колбаса...

— И все-таки, — спросила я, — зачем они встают в очередь? Разве им пообщаться больше негде?

— М-м-м, — почесал голову под париком геронтолог, — видишь ли, места есть, а общения нет, такой вот парадокс.

Елена Ожиг

— Как это? — удивилась я. У нас-то, детей, обычно все по-другому: поболтать всегда есть с кем, и повод встретиться найдется, вот только негде собраться большой компанией, даже в школу в неурочное время — и то лишний раз не придешь с друзьями: там шуметь нельзя, бегать нельзя, в актовый зал нельзя.

— Ну, смотри, — начал разъяснять дяденька. — Вот, к примеру, площадь, — и он обвел рукой площадь рядом с гастрономом. — Площадь есть, а митингов нет. Потому что пенсию вовремя дают, медицина вежливая и бесплатная, в трамвае хмят только по желанию, крыши не протекают, отопле-

ние зимой не отключают — стало быть, поводов идти на митинг нет. Или вот дом культуры, — геронтолог показал рукой на крышу здания, которое торчало из-за гастронома. — Месяц назад прошел слет творческих пенсионеров, но слет бывает раз в году, ну, кружки там есть — но там ведь петь надо, а разговаривать-то некогда. И уж, тем более, не покричишь от души — ну, просто потому что захотелось. Иногда, по старой памяти, пенсионеры выходят на демонстрацию. Тоже, кстати, своего рода, очередь. Если не знаешь, спроси у родителей, может, они еще помнят эти парадные шествия с флагами и гвоздиками по главной улице города. Случалось такое два раза в год, в мае и ноябре. Жители Старого города, конечно, стараются поддерживать эту интересную традицию, но сил у них с возрастом все меньше и меньше, а иные так и вовсе могут только до скамейки в своем дворе домаршировать, какие уж им демонстрации.

— А одежду им тоже бесплатно дают? — спросила я невпопад у дяденьки-ученого.

— Что? Одежду? Тоже...

— Чего же они одеты все тут, как с помойки?

— Так сегодня ведь воскресенье — экскурсионный день. Есть предписание: пенсионерам в экскурсионные дни — а они с пятницы по воскресенье — одеваться во что похуже. Чтобы у приезжих вызывать чувства жалости, сострадания и милосердия.

— А почему приезжих так наряжают? — не унималась я.

— Чтобы приезжие вызывали ответное чувство жалости и сострадания. А если серьезно, чтобы на своей шкуре ощутили, каково это — быть старым. Ой, девочка, кажется, в магазин пускать начали! Все, иди, не мешай со своими расспросами... — и дяденька, подняв сетчатую авоську над головой, вместе с другими старичками и старушками ринулся на штурм дверей гастронома.

В общем, дяденька ученый меня как-то слабо убедил. Даже сомнения посеял: а все ли тут так вправду хорошо, как по телевизору говорят? Зачем надевать плохие вещи, если есть хорошие? Зачем нас, школьников, сюда насильно пригонять и вещи эти гадкие заставлять напяливать? Что мы, не люди, что ли? Если нам все объяснить по-человечески — мол, приедьте, посмотрите, окажите помощь — разве мы не пойдем? Зачем толпиться и ругаться, если поводов вроде как нет? А может быть, просто перевезли пенсионеров с одного места на другое, но жить они лучше так и не стали. Может быть, и нет в магазине никакой бесплатной буженины, а только ливерная колбаса втридорога...

С такими мыслями я вернулась на остановку. Подошел трамвай. Могучая рука Людки-кондукторши снова втянула меня в салон, хотя на этот раз взобраться по ступенькам мне удалось

чуть быстрее. Ожидая трамвай, я ослабила завязки «сидора», который сполз куда-то в область поясицы, и сняла шаль, положив ее в кошелку.

— Девочке место не уступаем! Девочка тута в гостях, уедет — не задержится, — снова покрикивала трамвайная тетка, когда какой-нибудь интеллигентный старичок порывался встать и уступить мне место. Наверное, в его глазах я выглядела очаровательной старушенцией.

Вагон трясло и качало. Всюду были чьи-то расставленные локти, сумки с ливерной колбасой. Долетали обрывки разговоров: «Да разве ж это ливерная? Вот раньше...» или «По две каральки — больше не дают. Я просила, умоляла — ни в какую». Мне шесть раз наступили на ногу, два раза толкнули в бок и один раз заехали локтем по голове, от чего парик с фетровым беретом съехали мне на самый нос. Три раза сказали: «Встала тут — ни пройти, не проехать!» Я бы с радостью выскочила бы из

этого трамвая, чтобы не сгореть от стыда. Это же не поездка, а какая-то пытка! А мы еще, когда с Машкой Майской в библиотеку ездим, нарочно глаза отводим, чтобы никому места не уступать. Ой, все, я теперь совсем в общественном транспорте сидеть не буду, ни за что! Я молодая, я потерплю, и пешком буду ходить, если всего две остановки проехать надо.

— А ну, поддай газку! — крикнул какой-то озорной дедуля на передней площадке, и трамвай дернулся, как по заказу.

— Ох, и любят некоторые полихачить! — сказала, проходя мимо меня, Людка. — А мы что? Желание пассажира — закон! Газку так газку, дедуль! Следующая станция, — объявила она, — «Собес».

В собесе мне снова довелось постоять в очереди, только в самой настоящей, а не в созданной стариками исключительно для того, чтобы пообщаться.

В собесе было два окошка — в одном выдавали постоянные справки, а в другом — времен-

ные. Возле первого окошка было пусто, а возле второго выстроилась целая шеренга экскурсантов, одетых кто во что горазд, как на подбор сторбленных и недовольных.

— Девушка, ну нельзя ли как-нибудь побыстрее? — спрашивал какой-то мужчина, загримированный под старика, одетый в треух и фуфайку и обутый в подшитые валенки с калошами.

— Что же они так долго-то? — возмущалась женщина, наряженная старушкой-учительницей. — Одну справку по полчаса выдают!

— Действительно, — подхватила другая женщина, — могли бы и пошевелиться, тут ведь не скот — народ стоит, изнемогает!

Видно было, что народ очень недоволен, так как стоять в очередях давно отвык. Плюс жара-духота, давка, неудобная одежда. Судя по разговору, одна из недовольных женщин работала терапевтом в поликлинике, а вторая — специалистом социальной

службы. Первая приехала сюда просто так, а вторую отправили перенимать опыт работы с посетителями. По словам обеих, ни в поликлинике, ни в службе никогда, ни единого разу не было ни очереди, ни недовольных посетителей.

— Нам чаю попить бывает некогда, а они тут прохлаждаются! — негодовали тетеньки.

А посетители все прибывали и прибывали. На входе их встречала вежливая и предупредительная работница собеса и разводила в разные стороны. Уж не знаю, как она отличала настоящих стариков от ненастоящих. По мне, так все выглядели примерно одинаково, если пристально не приглядываться. Только настоящих стариков работница без всякой очереди заводила в кабинетик, а ненастоящих, вроде меня, заставляла вставать в очередь.

— Что за безобразие! — возмущались ненастоящие старики. — Что за выборочное отношение к по-

сетителям? Это хамство! Это неуважение! Пусть стоят в очереди, как и все!

— Извините, — улыбалась вежливая работница, — но у нас такой порядок. Настоящие старики, прибывшие на постоянное жительство в Старый город, обслуживаются без очереди. Привилегия возраста — это главная привилегия в нашем городе.

Настоящие старики выходили из кабинетика через две минуты, складывали вчетверо свои постоянные справки, прятали их в потертые кошельки и называли работниц собеса дочками, желая им счастья, мужей хороших и здоровья.

В очереди из ненастоящих стариков в такие моменты слышалось что-то похожее на шипение, плохо скрываемое рычание и возмущенное хрюканье. Становилось нестерпимо стыдно за такое поведение граждан трудоспособного возраста. Неужели потерпеть не могут! У них ведь ничего не болит, ноги крепкие, и сердчишко, надеюсь, не пошалива-

ет. Моя бабушка однажды пришла из поликлиники, полдня ее не было — талон брала, в очереди стояла, потом в очереди сидела, пришла домой, легла и сразу уснула, так устала моя бабунюшка, даже жалко ее стало. И не возмущалась, не то, что эти, озверевшие какие-то, честное слово.

— Мы — налогоплательщики! — орал дядьки и тетки, тряся накладными бородами и бутафорскими костылями. — На наши налоги тут все построено! Вы не имеете права так с нами обращаться! Мы сейчас развернемся и уйдем! Кто будет ходить на ваши дурацкие экскурсии с таким отношением к людям!

— Тише-тише, — улыбалась дежурная работница собеса. — Раз вы приехали, то необходимо пройти экскурсию до конца. А если вы уйдете с полпути, мы будем вынуждены сообщить, куда следует, о факте неуважения к старости вообще и к гражданам пожилого возраста в частности. Ваши фамилии нам уже известны, вы сообщили их на проходной.

После таких слов рассерженная очередь немного попритихла. Конфликт явно угасал, вспыхивая то там, то сям редкими отголосками:

— Я все-таки не понимаю, — уже вполголоса возмутился мужчина в треухе, — если сюда следует ездить каждый месяц, то неужели нельзя придумать какой-нибудь абонемент?

— Это неспроста, — говорил другой ряженный дедок, — мы ведь как привыкли вопросы решать? Туда денежку, сюда шоколадку — и справочку нужную получил. А тут, ты посмотри, совсем другие порядки! Вот мы теперь за свою эту пронырливость тут и отдуваемся, точно говорю.

Тут в собес вошла свежая партия экскурсантов, и они тоже начали качать права на новенького. Видимо, на проходную недавно пришел рейсовый автобус, Игнатъич выдал им треухи и лисьи воротники, и трудоспособные налогоплательщики поспешили осматривать достопримечательности Старого

города, а Людка-кондукторша завернула их в собес. Новенькие резко поднажали, старенькие в очереди, которые раньше пришли, не поддавались. Ряды экскурсантов сомкнулись, и я оказалось затертой между засаленными драповыми спинами. В ушах застучало, в глазах замельтешили звездочки, я стала беззвучно хлопать губами, как рыба на солнечном припеке. Я дернула слабыми пальцами ворот. Ржавая «молния» на кофте-олимпийке заела, и я не на шутку испугалась, что сейчас потеряю сознание — мол, вот как, оказывается, бывает, когда барышня в обморок падает, только в книжках про обмороки и читала...

— Плохо, тут женщине плохо! — заголосили тетки в очереди. — Врача! «Скорую» вызовите! Вот что вы с вашим порядком тут наделали...

Драповые спины разошлись в обе стороны, и я осела на пол.

— Это не женщина, — сказал мужчина в треухе, склонившись надо мной и снимая с моего лица бу-

тафорские очки, — это подросток, а они все сейчас в этом возрасте хлипкие.

— Дак будешь тут хлипким, — сказала какая-то тетка, — на диетах сидят и от телевизора с компьютером не отлипают. Откуда ж силам-то взяться?

— Ну-ка, ну-ка, — сквозь толпу ко мне пробиралась дежурная работница собеса с флакончиком нашатырного спирта в руке. — Расступитесь, граждане, дайте пройти!

В эту же секунду входная дверь распахнулась, и в нее ворвались два санитар с носилками.

— Тьфу ты, — в сердцах плюнул один санитар, увидев меня без очков и парика, — а торопились, как на пожар! «Бабке плохо, с сердцем плохо...» — передразнил он явно кого-то из работниц собеса, вызвавших «скорую помощь».

— Это же «пришелец», — сказал второй санитар, — еще бы футбол успели досмотреть, десять минут до конца игры оставалось!

— Я не пришелец, — попыталась я возразить слабым голосом, — я человек!

— Для нас тут пенсионер — человек, а ты для нас — «пришелец», — сказал первый санитар. — Куда везем? — спросил он дежурную. — В поликлинику или в «Тихие Черемушки»?

— Ой, не надо в «Черемушки», — замахала я руками, лежа на носилках.

Спасибо кондукторше, рассказала, что за место, где пять дней могут выяснять, мнимая старость у человека или настоящая. — Отпустите меня, я справку сейчас получу и уйду, три человека всего передо мной осталось!

— Нет, не можем, — сказал второй санитар. — Вызов ведь был? Был. Должны куда-нибудь отвезти.

— Действительно, — сказала дежурная, — не надо ее в Черемушки. Девочка по-честному пришла за временной справкой. Разве ж она виновата, что

у нас сегодня тут такой наплыв посетителей. Давайте ее в поликлинику.

— Да не надо меня в поликлинику! — стала я вырываться из рук санитаров, укладывавших меня на носилки.

— Надо, девочка, надо, — улыбнулась дежурная. — А потом снова за справкой приходи!

— Это что же, — закричала я, приподнимаясь на носилках, — мне снова очередь занимать?

— Снова, девочка, снова, — ласково улыбнулась дежурная, — у нас только пенсионеры без очереди.

— Да я... да я... Да я уйду сейчас! — возмущению моему не было предела. — Сдам шмотки ваши и уйду!

— А мы маме на работу сообщим или папе. И в школу позвоним, — ласковым голосом сообщила работница собеса. — Неуважение к старости, вызывающее поведение, уклонение от законной обязанности...

— И что?! — заорала я, совсем уже не сдерживая злости. — И что вы мне сделаете?!

— И ничего, — сказала работница, снова складывая губы в противную такую ласковую улыбочку, — и принудительное посещение Старого города каждую неделю до самого до окончания школы, вот что.

Она победным взглядом окинула враз притихших граждан трудоспособного возраста. Мол, будете знать, как тут возмущаться. А дальше я не видела, санитары уже вынесли носилки из помещения и стали погружать их в свой медицинский автомобиль.

М-да, думала я, лежа на жестких носилках, которые подкидывало на каждой кочке, веселенькое получается культурно-воспитательное мероприятие. Ездить в Старый город каждую неделю еще лет шесть, пока не окончу школу, — такая идея мне совсем не нравилась. Ну, раз в месяц — еще куда ни шло. Но чтобы раз в неделю... Так и жизнью молодой пожить не успею, а только старой...

«Скорая» остановилась, санитары открыли двери и довольно-таки бесцеремонно взяли меня под микитки, буквально стряхнув с носилок.

— А не убежишь, — сказал санитар, который назвал меня «пришельцем».

— Да уж, — мрачно ответила я, — мне в этом прикиде только бегать и тапочки терять...

— У вас был обморок? — спросила докторша, царственно восседавшая за столом в просторном и прохладном кабинете. Она поигрывала молоточком, а блестящий кружок фонендоскопа огнем горел на ее груди.

— Ну, был... — еще мрачнее ответила я. — Душно там, в собесе, народу много...

— Да вам повезло еще, милочка, — кисло ухмыльнулась докторша, — что у нас сегодня сравнительно малоллюдно. И что по «скорой», без талона. Давление не скачет? Питаетесь хорошо? Диетами не увлекаетесь?

Я почему-то сразу вспомнила, как в прошлом году мы с Машкой Майской решили худеть к лету, и целых три дня ели только яблоки и пили клубничный йогурт. Но потом нас пригласила на день рождения Светка Пищикова, ну, и как-то глупо было отказываться от котлет по-киевски с картошкой-фри и торта с вишнями в шоколаде. На дне рождения Пищиковой мы с Майской решили поесть как следует, а уж потом до самого лета сидеть на одном только рисе. Но продержались только неделю, потому что нас пригласил на день рождения Ивашов, и было как-то глупо делать вид, что курица с ананасами под соусом карри и пирожные «шу» нас совсем не интересуют... Все это, конечно, вспомнилось очень живо, но врачу я сказала:

— Диетами не увлекаюсь.

Врачиха, которая не заглянула мне в рот, не воткнула подмышку градусник, не измерила давле-

ние и даже не проверила, есть ли сыпь на животе, стала писать на какой-то бумажке.

— А сейчас голова не кружится, — спросила она участливо. — Сейчас есть хочешь?

— Хочу, — честно призналась я.

В животе, и правда, уже подсасывало от голода, ведь мы приехали в Старый город часа четыре назад. Пока я каталась на трамвае, стояла в очередях в гастрономе и в собесе, прошла уже уйма времени. Все наши, наверное, уже посмотрели город и собираются обратно. Вот уже подошли к проходной с полосатым шлагбаумом Ивашов с Коркиным, и Светлана Робертовна считает нас, как цыплят, по головам. «Стойте, — скажет

она, — кого-то не хватает. А где же Орликова? Никто не видел Орликову Марусю?» И кинется, наверное, к дядьке в деревянной будке, требуя, чтобы он звонил в полицию и объявлял девочку двенадцати лет, волосы русые, глаза серо-зеленые, вот такого примерно роста, в розыск.

Ход моих мыслей прервал голос докторши:

— В общем, так, — сказала она, закончив писать. — Рабочий день у меня заканчивается, возиться мне с тобой особо некогда, еще на дачу нужно до темноты съездить, а дома кошка не кормленная. Вот тебе направление в нашу местную столовую. Это недалеко отсюда, три квартала, сначала пойдешь по проспекту, на третьем перекрестке направо, потом возле аптеки повернешь во двор, серый одноэтажный дом — это столовая. Покажешь направление, тебя покормят.

— Не могу, — сказала я, — мне в собес надо, за временной справкой.

— Ты с врачом еще спорить будешь? — угрожающее спросила докторша, которая уже надевала плащ перед зеркалом и подкрашивала губы.

«...и ничего, — пришла на ум недавняя сцена в собесе, — и принудительное посещение Старого города каждую неделю до окончания школы...» Вдруг докторша тоже скажет что-нибудь в этом роде? Я не стала ждать продолжения и ответила:

— Не буду, — и направилась к выходу, шаркая тапками и прилаживая парик на голове.

Я медленно брела по проспекту, потом по улице, потом по дворам в поисках столовой. Как в бреду, честное слово. Город этот дурацкий, со своими правилами, руки оторвать тому, кто их придумал! По-моему, я даже плакала. И еще думала про нашу громогласную Робертовну. Вот кто мог меня спасти сейчас! Пусть, пусть она меня случайно встретит, а я больше никогда, честное слово, никогда не буду на ее уроках шушукаться с Машкой и перекидывать-

ся записочками с другими девчонками. Ну, Светланочка Робертовна, мысленно посылала я ей призыв о помощи, найдите меня, не уезжайте без меня! Или будьте сейчас в столовой — мол, гуляли-гуляли и решили передохнуть, отведать местной пищи... Ну, пожалуйста, будьте там!

Но Светланы Робертовны в столовой не было. У меня даже руки опустились. Зачем я вообще сюда шла? Наверное, надо было сразу бежать в собес, получать эту несчастную справку, а уже потом стремглав нестись на проходную, сдавать Игнатьичу эти душные старческие шмотки, прыгать в первый же автобус и ехать домой. Домой! Домой!

Наверное, надо было сделать именно так, но я растерялась. Я растерялась оттого, что, оказывается, совсем не знала, как живут в нашем мире пожилые, да и просто взрослые люди. Меня никогда не привозили в больницу на «скорой» — на этом старом пропыленном уазике серого цвета. Если

что вдруг случилось с моим здоровьем (требовалось ли вырвать молочный зуб или вылечить меня от простуды), то папа отпрашивался на пару часов с работы, усаживал меня в машину и вез в стоматологическую поликлинику или к нашему участковому врачу. Она всегда была доброй, приветливой и не торопилась домой к некормленной кошке. Однажды, когда я сильно простыла и сидела дома с высокой температурой, Юлия Николаевна даже оставила маме свой домашний телефон, чтобы та звонила ей в любое время, если будет ухудшение. У меня не было надобности получать какие-либо справки в собесе или где-нибудь еще. В нашем супермаркете на кассах сидели одновременно пять—семь кассирш, которые быстренько отстукивали чеки на своих аппаратах, не позволяя скопиться длиннющей очереди. Да мне вообще не надо было ходить в магазин, потому что всеми покупками заведовала мама, изредка поручая купить мне булку хлеба

или пакет молока. Все, что от меня требовалось, так это — хорошо учиться в школе, не задерживаться вечерами после занятий в музыкалке, не водиться с плохими компаниями и помогать по дому. Всего-то! Но я-то думала, что это капец какие строгие правила и тяжкие обязанности. Когда же еще гулять, как не вечером после музыкалки? А хорошо учиться — это вообще порой невыполнимая задача, особенно в мае, когда вот буквально завтра лето. Особенно в сентябре, когда только и разговоров, что про вчерашние каникулы. Особенно в декабре, когда Новый год скоро... Я подозревала, что в жизни моих родителей гораздо больше дел и трудностей, чем у меня. То мама, то папа по очереди жаловались на вредных начальников, на уличные пробки, на выросшие с нового года коммунальные платежи и прочие несправедливости... А тут мне дали возможность на своей шкуре ощутить, что такое взрослая жизнь, причем жизнь не того человека, который полон сил

и поэтому еще надеется всю эту несправедливость победить, а человека, который стар, и потому беспомощен, неуклюж и незащищен. Может быть, это и хорошо, что сделали вот такой Старый город, где для пенсионеров справки выдают без очередей, трамвай ходит точно по расписанию, и санитары «скорой» несутся на вызов, как на пожар, даже не досмотрев свой футбол. Но мне что-то пока приходится в этом городе несладко.

В общем, я была ошарашена такой жизнью, плюс обморок, сами понимаете...

Когда я немного пришла в себя, передо мной уже стояли тарелка жидкого горохового супа, тощая, как блин, подгорелая морковная котлета на щербатом блюдечке, стакан чаю, в который чья-то рука только что опустила кусочек рафинада.

В следующую секунду эта же рука тронула меня за плечо, и раздался голос:

— Талончик давай.

Не понимая, чего от меня хотят, я подняла глаза и увидела круглое лицо добродушной теткой-официантки, которая только что принесла обед, именно его Людка-кондукторша рекомендовала мне отведать для полноты впечатлений.

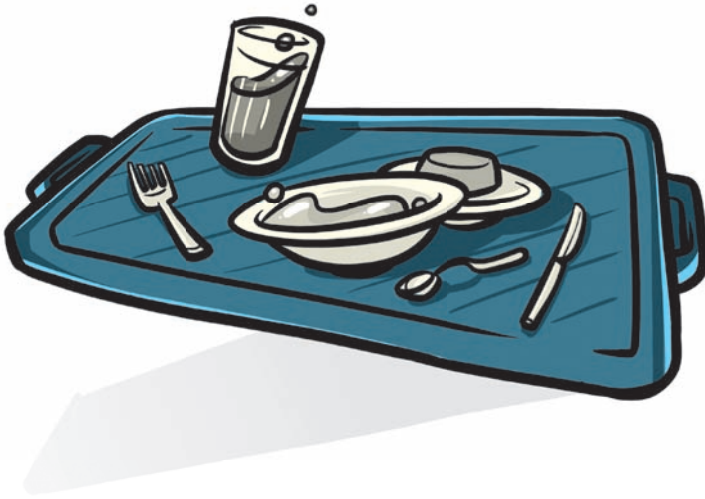
— Талончик на обед давай, — повторила официантка.

— У меня нет, — еле разлепила губы я.

— А что есть? Справка есть? Тогда справку давай, — улыбка стала как-то сразу оплывать на круглом лице официантки, и стало сразу понятно, что сегодня не я первая такая из посетителей.

— Направление есть. От врача, — и я запустила руку в карман.

— Давай направление, — совсем уж безразлично произнесла тетка, подозревая, что ничего хорошего от такой странной посетительницы ожидать, видимо, не приходится.

В левом кармане полупальто бумажки, выписанной докторшей, не оказалось. В правом тоже. Я заглянула в кошелку с шалью. Направления не было. Я проверила даже шерстяной носок — вдруг я как-то случайно засунула бумажку туда.

— Что, — спросила официантка, — и направления нет?

— Я могу заплатить, — произнесла я, сглатывая от жажды, глядя на то, как в стакане тает сахар. В кармане юбки у меня было рублей двадцать, уж на чай-то точно должно хватить.

Оба кармана у выданного Игнатьичем полупальто оказались дырявыми, поэтому немудрено было потерять направление из поликлиники, пока я блуждала по дворам и улицам в поисках столовки. Но я же не воровка, не мошенница, не съем же я их обед самым бессовестным образом! В конце концов, деньги ведь никто не отменял! Конечно, не отменял, но в Старом городе их прочно заменили всякие справки, талоны и разрешения. А без справки даже, наверное, стакан воды не нальют.

— Не надо, — остановила меня официантка, когда я стала искать мелочь в кармане. — Это совсем ни к чему. За деньги мы тут никого не кормим. Все бесплатно, но по документам, — и она стала составлять тарелки обратно на свой поднос.

— Может быть, хотя бы чай оставите? — я взглядом проследила за ее рукой, которая уносила от меня наверняка невкусный, но такой сейчас желанный напиток. Вообще-то, чай я не очень любила, дома пила, в основном, сок, или колу, или минералку. Но здесь, в этом негостеприимном к чужакам городе, в этом грязноватом обеденном зале даже простой столовский чаек горел в стакане рубином и притягивал мой голодный взгляд.

— Не могу, — вздохнула добрая тетушка, — не положено.

Тут она быстро метнула взглядом по сторонам, словно желая удостовериться, что за ней никто не наблюдает, и, понизив голос, произнесла:

— Водички принесу. Только ты пей и уходи, мне неприятности не нужны. Если патруль зайдет, и тебе попадет, и мне достанется... — заволновалась тетушка.

— Патруль? Какой патруль? — голова моя с голдухи и от пережитого соображала плоховато.

— Документа никакого нет, — совсем уже шепотом сказала официантка, — заметут тебя, точно заметут!

— В «Тихие Черемушки»? — спросила я.

— Туда, туда, — наклонилась ко мне тетенька и стала протирать тряпочкой стол, — от нас как выйдешь, чтобы пулюю в собес, одна нога здесь, другая там! У них через сорок минут рабочий день заканчивается, если бегом, то успеешь! Пальто сними, здесь оставь, мы допоздна работаем, потом со справкой придешь, заберешь, чтобы Игнатичу сдать, а то обратно не выпустят, — стала она меня инструктировать. — Тапки веревочками подвяжешь, чтоб не сваливались, я дам. Парик не снимай, по молодежному тут ходить нельзя.

— Да у вас тут не город, а прямо тюрьма какая-то! — не выдержала я.

— Тюрьма, — согласно кивнула тетюшка, — как есть тюрьма. Только старость-то настоящая — она похуже тюрьмы. Из тюрьмы-то можно выбраться

и идти на все четыре стороны, а из старости — только туда, — и тетушка показала рукой в потолок. — Ну, давай пей, — поставила она передо мной стакан воды, — и бегом, в собес.

Тут за моей спиной хлопнула дверь, и кто-то вошел в столовую. Я не могла видеть, кто именно, но судя по тому, что лицо официантки стало каменным, неприветливым, и с него мигом пропала вся участливость, в столовой появился кто-то явно неприятный и нежеланный.

— Проверка документов, — раздался суровый мужской голос. — Граждане обедающие, приготовьте документы для проверки!

— Патруль, будь он неладен, — прошипела сквозь зубы тетка, — принесла же именно сейчас его нелегкая! Пока они тут ходят, ты по стеночке — и на выход, — еле слышно сказала мне, повернулась и ушла, позвякивая тарелками с морковными котлетами.

Двое мужчин в серой форме прошли вглубь зала, а третий остался стоять у входа. Уход по-английски был невозможен. Обедающие оторвались от котлет и стали показывать свои бумажки. Я и не шевельнулась даже. Расскажу, решила я, все как было, а там

пусть везут меня в свои Черемушки. Ведь, рассудила я, сейчас все же не война, не 37-й год. Я же правду скажу, не выдумки какие-нибудь, должны поверить. А если и не поверят, пусть везут, пусть. Привезут, а я им скажу, что имею право на один телефонный звонок, так всегда в иностранных фильмах говорят, я видела. Позвоню маме, они с папой примчатся и заберут меня из «Тихих Черемушек», да! Еще посмотрим!

— Обморок? — склонился недоверчиво надомной патрульный. — Потеряла направление? Хотела пообедать тут на халяву? Хотела дать взятку работнику столовой? — в голосе его закалялась сталь и закипала ненависть. — Ты как сюда пробралась? Любимую бабушку хотела повидать?

— У меня нет тут бабушки, — еле пискнула я. — Наша бабушка с нами живет.

— С вами живет? — сделал удивленные глаза военный. — Ну, надо же, какая новость! Обычно бабушек сюда сдают, а потом прибегают тайком,

чтобы она им документы на якобы подаренную жилплощадь подписала!

— Мы бабушку сюда не сдадим! — пыталась защищаться я. — Мы ее к себе из другого города забрали, где она в общежитии жила!

— Тогда. Почему. — Военный чеканил голосом слова, как будто отливал пули или монеты, — Ты. Здесь. И. Без. Документов? Отвечай, кто твои сообщники? Пива забрались попить? Коньяк в магазине украсть? Скрываетесь от следствия? Алиментов? Судебных приставов?

— Не, ну, вы, в самом деле, того... — я покрутила пальцем у виска. — Дядя, вы в шпионов часом не заигрались? Какие приставы, мне двенадцать лет!

— Да хоть сто, — отрезал военный. — Отвечай, сколько вас проникло на территорию?

— Да вы чего, серьезно, что ли? — я уже не на шутку начала волноваться. Прямо какое-то кино

и немцы, допрос юной партизанки в гестапо. — Мы из школы, с учителем, на экскурсию приехали...

— Что ты мне тут втираешь? — перешел на крик военный. — Я похож на идиота? Школьные делегации проходят по единому пропуску, перемещаются по территории организованной группой в сопровождении руководителя!

— Но Игнатъич на проходной сказал, чтобы мы по одному, — привела я слабый аргумент в свою защиту.

— В обязанности вахтера входят выдача специальной одежды, продажа входных билетов. — Патрульный словно зачитывал по памяти однажды вызубренную инструкцию. — Разъяснение правил поведения на территории Старого города входит в обязанности работников службы социального обеспечения. Стало быть, Игнатъич не мог тебе такого сказать, девочка, — военный сжал мою руку выше локтя. — Возможно, у тебя и не

было никакого злого умысла. Но и документов при тебе нет, поэтому мы обязаны доставить тебя в «Тихие Черемушки» для выяснения всех обстоятельств твоего здесь пребывания.

— Каких обстоятельств? — спросила я голосом, который совсем осип от испуга и переживаний.

— Ну, классного твоего руководителя мы должны найти или нет? — раздражаясь из-за моей непонятливости, произнес военный, резко сдергивая меня с шаткого столовского стульчика.

Он потащил меня к выходу, я за ним не успевала, и ноги в тапках совсем волочились по полу. Я успела заметить, что сердобольная официантка сердито сложила губы скобкой и сверлила злым взглядом спины патрульных.

— Ехать долго, — предупредил военный, который заталкивал меня в нутро патрульного микроавтобуса, — поэтому извольте выслушать экскурсию.

В микроавтобусе уже сидели человек пять, пойманных в Старом городе за нарушение справочного режима. Военный снял фуражку, уселся лицом к задержанным и достал из-под сиденья небольшой синий обшарпанный мегафон.

— Раз-раз, — сказал он, проверяя работу громкоговорителя. — Меня слышно?

А потом заговорил красивым актерским голосом, каким говорят на сцене в театре:

— Уважаемые гости Старого города! Вас приветствует туристическая фирма «Русская старина»! Приглашаем вас на экскурсию по нашему необычному, уникальному, единственному в мире городку! Приносим вам извинения за неудобства, причиненные вам при так называемом аресте, но это часть нашей экскурсионной программы!

Ну, вот все и выяснилось, обрадовалась я. Это ж спектакль! Кино и немцы! Посижу, покатаюсь, послушаю экскурсию, а потом нас отпустят,

и я поеду домой! А напугали-то, напугали, до сих пор ножки дрожат...

Но патрульный экскурсовод продолжал:

— Мы начинаем свою поездку от здания столовой, где вы уже могли попробовать блюда из рациона пожилого человека — такими блюдами питались пенсионеры, когда жили на одну пенсию до появления Старого города. А закончится наша поездка в загородном пансионате «Тихие Черемушки». Вам будет предоставлено койкоместо и питание до выяснения ваших личностей, вашего настоящего возраста, затем вы получите временные документы и сможете продолжить свое пребывание в Старом городе или покинуть его.

По салону прокатился громкий вздох возмущения. Все-то, как и я, решили, что с арестом и «Тихими Черемушками» — это шутка такая, но экскурсовод лишил их этой надежды.

ПРИНОСИМ
ВАМ ИЗВИНЕНИЯ
ЗА НЕУДОБСТВА,
ПРИЧИНЕННЫЕ
ВАМ ПРИ ТАК
НАЗЫВАЕМОМ
АРЕСТЕ!

ПРЕСА

УЛ. КООНЕЦ

ПР. ЯШИЦА

ОЖИЧ

— Мы не можем надолго оставаться в Старом городе! — воскликнул недовольно один паренек. — Мне на работу завтра!

— Да-да, — поддержала парня я, — а мне в школу!

— Все вопросы, — сказал патрульный красивым голосом в мегафон, — мы решим в «Тихих Черемушках». А сейчас прослушайте экскурсию, просьба не шуметь и не перебивать!

— Посмотрите направо, — вещал в мегафон патрульный, — мы проезжаем по улице имени Алисы Коонен, выдающейся советской театральной актрисы. По просьбам жителей города, все улицы и площади названы в честь их любимых актеров театра и кино, спортсменов, писателей и эстрадных певцов. Данная улица по четным числам носит имя Алисы Коонен, а по нечетным называется в честь футболиста Льва Яшина.

— А почему так? — спросил кто-то из экскурсантов.

— Улиц в городе не так много, и чтобы уго-
дить всем жителям, было решено давать улицам
двойные, а то и тройные названия, — пояснил гид.

— А не возникает ли путаницы? — задала во-
прос женщина с последнего сиденья.

— Жителям города розданы листовки с гра-
фиком переименования улиц. Каждый день, в за-
висимости от того, четный он или нечетный, здесь
меняют аншлаги с названиями, поэтому путаницы
не возникает. Сейчас мы сворачиваем на проспект
Марка Бернеса, который по выходным и праздни-
чным дням становится проспектом Александра Вер-
тинского. Проспект Бернеса-Вертинского — люби-
мое место для прогулок жителей Старого города.
Обычно на проспекте играет духовой оркестр, мы
можем уже слышать его звуки, сегодня оркестр ис-
полняет произведения Бернеса. Все мы помним его
прекрасные песни «Спят курганы темные» и «Ша-
ланды, полные кефали...»

Но до наших ушей явственно долетел голос солиста, усиленный мощными колонками, который пропел: «С кем вы теперь, кто вам целует пальцы? Куда ушел ваш китайчонок Ли?» Бернес вроде бы про родину и про войну пел, это бабушка мне рассказывала, и пел еще про курганы. Какой такой китайчонок?

— Постойте, — сказала дама с последнего сиденья, — но ведь они исполняют Вертинского...

— И мы покидаем проспект Александра Вертинского, — нисколько не смутясь, продолжил рассказ экскурсовод, — и сворачиваем на улицу поэта Эдуарда Асадова по четным дням недели, а по нечетным — улицу Изольды Извицкой, выдающейся киноактрисы, если кто не знает...

Микроавтобус ехал по улицам Старого города, и было в нем много удивительного, чего я раньше не замечала, таскаясь по улицам в очках с толстыми стеклами и с обидой в сердце на несправедливое отношение к молодым да приедем. А сейчас мож-

но было ненадолго снять очки и занавешивающий лицо развалившийся парик и посмотреть на Старый город, какой он есть в самой своей сердцевинке.

В жилых кварталах на балкончиках там и сям висели, как будто на просушке, пестрые лоскутные одеяла. От этого обшарпанные дома, с наспех заштукатуренными фасадами, казались уютными разноцветными комодиками, из которых свешивались яркие, как бы прикушенные ящичками, вещи. Казалось, что эти дома-комоды хранят в себе много интересного. Так и хотелось приоткрыть один из «ящичков» и нашарить рукой потемневшую серебряную ложечку с вензелем, единственную оставшуюся из всего столового серебра, или цветной камешек, отлетевший от старой брошки, или вышитую пожелтевшую салфеточку, или старый фотоальбом, чьи твердые обложки были обтянуты синим плюшем. А потом водить пальцем по черно-белым лицам на фотографиях и спрашивать: «А это кто?»

А это? А это ты, ба?»», потихоньку, незаметно погладить молодую бабушкину прическу, как бы поправляя непослушную кудрявую прядку. Когда

я была маленькой, лет пяти, я любила сидеть так с бабушкой на ее диванчике и рассматривать старые снимки. А теперь, когда меня бабушка зовет: «Пойдем, Муся, карточки посмотрим», я тут же придумываю дела поважнее — говорю, что пишу реферат на компьютере, а сама под фотографиями Майской или Пищиковой лайки ставлю. Майская, конечно, всегда фоткается очень удачно, ну так ее этому в школе моделей учат. Но у Машки все фотки — одно да потому: такая шмотка, сякая шмотка, это я с Жориком (собака ее), это я отдыхаю. А у бабушки спросишь: «Это кто?», а там целая история — это ее брат старший, он на фронт ушел и не вернулся, погиб, а он герой, подвиг совершил. А это мама моя, только маленькая, ходить только научилась, сразу фотографа позвали, он быстро, через три дня (ни фига себе быстро; быстро — это через пять минут) пришел, мама уже вовсю бегала, так что это ее не пер-

вый шаг, к сожалению, запечатлен, а сто тридцать первый. В общем, во времена бабушки у фотографий какая-то особенная ценность была, а сейчас — не знаю, что за ценность; в основном, хвастовство в соцсетях. Я не хвастаюсь особо, мне нечем, я в школе моделей не занимаюсь, и Жорика у меня нет.

Изредка во дворах, мимо которых мы проезжали, стоял колченогий столик под кружевной скатеркой, за которым, как правило, сидели две-три бабуси и вязали носки. Дворы цвели тюльпанами и нарциссами, начинала цвести сирень. Как цыплята, самовольно вылезли тут и там из земли одуванчики. В одном дворе за столиком сидели два дедка и играли в шахматы. В этих дворах не хватало только детишек, мальчишек или девчонок, которые бы прыгали через резиночку или гоняли бы по двору мяч.

Захотелось выйти из автобуса и присесть к этому столику под скатеркой, вытянуть ноги и никуда уже не торопиться. И чтобы одна из старушек,

шустро шевелящая пятью острыми, тонкими спицами, попросила бы примерить на твою руку, оцарапанную, загорелую, пальцы с заусенцами, красную варежку, на

которой вывязана зеленая снежинка или якорек. Варежка недовязана, из нее смешно торчат твои растопыренные пальцы в окружении острых иголок. Зимой в этой варежке будет тепло-тепло, если только она не потеряется в школьной раздевалке или на горке, а пока она покусывает кожу, как может только новая, еще ни разу не стиранный шерстяная вещь.

Приеду домой, подумала я, попрошу бабушку научить меня вывязывать аккуратные петельки на тоненьких, блестящих спицах. Я ведь ничего-ничего такого совсем не умею. Пробовала крестом вышивать — забросила, скучища страшная. Про-

бовала из бисера плести — рассыпался раз по всей комнате, три часа собирала, по цветам раскладывала, сразу расхотелось. Маме учить меня некогда, а бабушка уже видит плохо, почти всегда в уголке ее глаза скапливается слезинка, которая, по словам бабушки, мешает ей видеть, застит белый свет. Но я все равно попрошу. Кто же меня научит, если не она.

Мы проехали еще много интересных мест, но нигде не останавливались, потому что патрульные боялись, что мы разбежимся.

— Если бы вы как люди сюда приехали, с документами, — сказал один из них, — то и в шахматы бы сыграли, и носки бы вам наверняка подарили, и даже бы самовар во двор вынесли и чаем бы напоили. А так...

Наконец-то мы доехали и до «Тихих Черемушек» — до того места, где нам предстояло провести несколько дней до тех пор, пока нас не выведут на чистую воду. Мои коллеги по несчастью снова за-

беспокоились и стали умолять патрульных отпустить их, так как всем нужно на работу, на учебу, к семье и детям. Но к нашим просьбам и мольбам экскурсоводы в серой форме остались глухи. Они вывели нас из микроавтобуса, построили в шеренгу и повели к калитке, за которой и скрывалось это ужасное, как нам казалось, место.

— Посмотрите, — снова сказал актерским поставленным голосом начальник экскурсионного патруля, — это и есть «Тихие Черемушки» — спокойное, уединенное место для отдыха самых старых жителей нашего города. Возможно, до вас уже дошли ужасные слухи о «Тихих Черемушках», из-за которых можно подумать, что это нечто среднее между тюрьмой и наихудшим домом для престарелых. Но это не так — это же просто санаторий, курорт, каких и в турциях не встретишь! Ну, или пансионат, если угодно. Усиленное питание, свежий воздух, медперсонал и внимание 24 часа в сутки.

Желтое здание с колоннами у входа до самой крыши заросло черемуховым садом. Черемуха уже отцветала, и на дорожках, на клумбах, на земле лежали сплошным ковром крошечные лепестки. От этого и земля, и зеленая майская травка казались седыми, постаревшими. На широких скамьях с чугунными ногами, как на кроватях, в плетеных креслах, расставленных везде по саду, лежали и сидели обитатели «Тихих Черемушек». Многие из них спали, завернутые в байковые халаты и шерстяные пледы. По саду ходила медсестра в белом халатике, с книжкой в руках. Она дирижировала сама себе какой-то длинной травинкой и читала вслух «Евгения Онегина». Изредка сестра подходила к кому-нибудь из старичков и поправляла плед.

— Милочка, — прошамкал один из старичков, к которому она как раз наклонилась, — будьте добры завтра нам музыку какую-нибудь организовать, что-нибудь из Окуджавы.

— Что-то тут у вас не столь тоталитарно, как нам представлялось, — сказал вдруг один мужчина, который приехал вместе с нами. — Мы уж думали тут застенки, казематы, психушка...

— Ну, это для них тут «Онегин» с Окуджавой, а для вас тут будет все по-другому, — сказал тут подошедший к нам дяденька, представившийся директором «Тихих Черемушек». — Вам здесь придется немного поработать, исключительно в воспитательных целях. Снимайте свой маскарад и стройтесь на площадке. За нарушение режима у нас полагается трое суток общественных работ. Наряды есть на кухню — чистка картошки, в прачечную — стирка и глажка, на уборку территории, а то ишь, напало тут, — и он показал рукой на опавшие лепестки.

— А как вы будете устанавливать наши личности, — тут встряла я, — а тем более искать мою классную руководительницу?

— Согласно спискам, запрошенным в пункте пропуска и уточненным в собесе, — пояснил директор.

— У Игнатъича? — уточнила я.

— У него самого, — ответил директор и обратился к нашей группе. — Просьба называть свою фамилию и делать шаг вперед. Вы первая, мадам, — кивнул он даме, которая сидела в микроавтобусе на последнем сиденье.

Дама сделала неуверенный шаг вперед и представилась:

— Инна Ильинична Перышкина.

— Гражданка Перышкина, — посмотрел в свои списки директор пансионата, — устроила небольшой скандалчик в собесе, требуя выдачи справки вне очереди. Затем громко хлопнула дверью и исчезла в неизвестном направлении. Была обнаружена в гастрономе при попытке вынести из магазина бутылку шампанского. Стыдно, Инна Ильинична! — посмотрел на нее директор поверх очков.

— Но я же ничего такого... — стала оправдываться дама, — я же думала, что всем все бесплатно...

— Тем не менее, вас ждет уют, сушильная-гладильная комната у нас там.

И дама понуро побрела в сушильную-гладильную.

— Теперь вы, молодой человек, — обратился директор к парню, которому завтра нужно было быть на работе.

— Сергей Петрович Твердолоб, — смущенно представился парень.

— Ну зачем, Сергей Петрович, — мягко начал укорять его директор, — вам понадобилось лезть через забор? Неужели не могли, как все нормальные посетители, войти через проходную? Неужели вам было жалко заплатить тридцать рублей за билет?

— Так это, — переминался с ноги на ногу парень, не зная, что сказать в свое оправдание. — Экстрим же. Фильм «Сталкер» смотрели? Там вот тоже

в зону с разными аномалиями идут. Про Старый город разное рассказывают, а про «Тихие Черемушки» так и вообще... Ну, я и решил посмотреть.

— Разве ж это аномалия? — усмехнулся директор. — Разве ж это невидаль какая, когда старики живут так, как им хочется, совершенно ни в чем не нуждаясь? Аномалия — это когда они живут как-то совсем по-другому: в нужде, в заботе постоянной. Вот вы не поверите, Сергей Петрович, но мы наиболее бодрых наших жителей — ну, не тех, конечно, кто здесь живет, здесь уже — тихий берег, последний приют, — а тех, кто в городе живет, мы даже в загранпоездки отправляем. Не так часто, как хотелось бы, но все же, все же... Кого в Турцию, кого — в Грецию. Ветераны так в Европу все больше стремятся — кто в Польшу, кто в Венгрию, хотят побывать напоследок в местах своей боевой славы. Разве ж это плохо? Так и должно быть, Сергей Петрович. Так везде должно быть, не только у нас. Вот зря, конечно, Старый город постро-

или, мое такое личное мнение. Разве для нормальной жизни нужно, как вы сказали, зоны какие-то создавать? Жизнь — она везде нормальной быть должна, для всех — хоть для вас, хоть для меня, хоть для них. Как вернетесь отсюда, так всем и расскажите, чтобы не думали про нас ничего плохого. А пока вас в столярке ждут, там кое-какую мебель подправить нужно.

— А вы кто будете, барышня? — обратился директор ко мне.

— Орликова Мария Дмитриевна.

— Орликова? — переспросил директор, шурша бумажками. — Где-то видел, где-то, где-то... Так у вас, Мария Дмитриевна, с документами-то все в порядке, вам же на всех один пропуск выдали, только вы от своих каким-то случайным образом отстали! Да они вас ждут часа два уже. Сестра! — крикнул он девушке, которая дирижировала травинкой и читала вслух Пушкина. — Будьте добры, отведите барышню к ее приятелям!

Сестра улыбнулась, взяла меня под локоток и повела в дальний угол сада. Черемухи там совсем не росло, зато была сложена из камней альпийская горка, по которой раскинулся зелеными широкими листьями бадан. В плетеном креслице сидела наша Светлана Робертовна, которая смотрела, как бесят-

ся Ивашов с Коркиным и Левченко. Она крикнула, наверное, уже в сотый раз за сегодня:

— Да не бегайте вы так! Ведите себя прилично! Коркин! Я кому сказала! — а потом махнула рукой.

На лужайке Коркин, Ивашов и Левченко играли в футбол старой пыжиковой шапкой. Они даже не сняли своих дедовских одеяний, и было смешно видеть, как трое низеньких старичков пасуют друг другу шапку, ставят друг другу подножки, увертываются в этих негнущихся брюках и тяжелых пальто. Если бы я не знала, что это мои одноклассники, то подумала бы, что «Тихие Черемушки» каким-то чудесным образом могут возвращать пожилым людям мальчишескую резвость и легкость.

— Светлан Робертовна! Вон она! — крикнула Машка Майская во весь голос, едва мы с медсестрой показались из-за деревьев. — Орликова вон идет!

Светлана Робертовна вскочила с кресла, с ее колен в траву упала шляпка с деревянными вишен-

ками. Мне даже показалось, что она сейчас кинется обнимать и целовать меня, нашедшуюся пропажу. Но Светлана Робертовна остановила свой прекрасный порыв и передумала обнимать меня, опустила руки, уже было раскинутые для объятий, и произнесла суровым, обычным своим школьным голосом:

— Маруся Орликова! Ну, от тебя-то я совсем такого не ожидала! Вот Коркин мог такое отчебучить, еле их с Ивашовым отловила, ни на шаг нельзя отойти, а тебя как угораздило отстать от группы? Буду вынуждена поставить тебе «неуд» по поведению за четверть. И к следующему уроку напишешь обстоятельное сочинение о том, как ты съездила на экскурсию в Старый город и что важного ты здесь поняла!

— Да, Светланочка Робертовна! — сказала я и подкинула в воздух свою беретку. Сочинение — это что, ерунда, для меня раз плюнуть! Вы его, кстати, только что прочитали.

Елена Михайловна Ожич (Клишина)

СТАРЫЙ ГОРОД

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Художник М.С. Хозяйкин
Редактор Т.П. Берглизова
Корректор Ю.В. Конькова
Верстка Д.В. Тырышкин

Подписано в печать 14.11.2016. Формат 70x90x1/16.

Гарнитура Petersburg. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 6291.

Отпечатано в типографии ОАО «Алтайский дом печати»

656043, г. Барнаул, ул. Б. Олонская, 28

тел.: 8 (3852) 63-79-71

e-mail: zakaz@adp.alt.ru

